

Сергей Ровинский

Первое знакомство Парижа с творчеством Сергея Ровинского было в 1930 году. Оба этажа громадной галереи Шарпантье были заполнены «Испанией» Ровинского — несомненно Испания увлекла, наполнила и заворожила художника, и он становится ее верным певцом. Чары Испании заставляют художника ненасытно изучать, познавать эту таинственную страну с ее вьковыми соборами, монастырями, с удивительными старинными городами, с суровой и подчас мало привлекательной природой, и в то же время с буйным палящим солнцем... Он ищет и находит много созвучного своему творчеству именно в Испании, в которую он не влюбился, а полюбил прочно и сильно. Лучшим доказательством этому была его первая здесь выставка, а затем после двух лет работы непрерывной и большой была им издана книга: «Испания грандиозная и фантастическая» с 32 гравюрами в красках. Книга имела большой и заслуженный успех: она была приобретена рядом больших государственных библиотек и музеев — Мадридским, Брюссельским, Нью-Йоркским, Сорбонной, Британским музеем и др. — В 33-м году книга эта была выставлена в гал. Жоржа Пти и в Национальной библиотеке.

Памятная по успеху своему большая выставка 30-го года, в том же году была открыта в Мадридском музее современного искусства, а отсюда по приглашению города, перевезена была в Гранаду.

В 1931 году Ровинский пишет большое

«Испания». Паравань - лак.

ПЕВЕЦЪ ИСПАНИИ

С. Ровинский
в своей
мастерской.

панно для Толедского собора в память 700-летия собора. — В 1934 году состоялось торжественное открытие крестильной капеллы Толедского собора, для которой по заказу того же собора Ровинским было исполнено большое панно — около 4 метров — лаком и золотом разных цветов. После этого открытия состоялась народная подписка в Толедо для нового заказа Благовещения и Воскресения, и хотя проекты этих новых работ и эскизы были одобрены «шапиром» собора — из-за войны работы не могли быть пока выполнены.

В 1934 году — выставка «Испания» в Брюссель, зимой 1935 - 36 г. г. три выставки в Америке. Весной этого года — выставка в Лондон, и наконец в декабре этого года в той же галереи Шарпантье — «Лаки» — Ровинского той же Испании. Есть немного и масла, рисунков, цветных немного и карандашных зарисовок, но главное, центральное на выставках, конечно, «Лаки». Чтобы дать такие лаки, нужно было не только преданное постоянство художника захватившей его тем, но и упорная работа в достижении поставленных себя задач, не всегда легко разрешимых. И нужно признать, что Ровинский в этой новой для нас области его творчества достиг блестящих результатов.

На выставках 12 больших многосторонних ширм деревянных и свыше двадцати панно на дереве. Сама по себе физически это колоссальная работа: чтобы дать законченный, вполне обработанный, «выдержанный» лак, нужно над ним работать не менее полутора лет. Дерево, мягкое, пористое, в результате постепенных «пропитываний» разного качества лаками, протравкой разными кислотами, дающими необходимые по тону расцветки, становится единой, компактной, твердой массой, тем «лаком», который навсегда остается тем же, каким его художник создал. Высшее завершение лаку дали китайцы. В большей части сво-

их работ Ровинский достиг несомненно «китайских» результатов... Есть ли выставленное Ровинским чистое искусство? Или прикладное? — Мы затруднились бы ответить на поставленный вопрос выбором того или другого ответа в категорической форме, так как в лаках есть наличие и того и другого: это прикладное искусство с элементами чистого, или это чистое в содружестве с прикладным.

Только настоящий художник может дать вам то впечатлительное, которым полны параваны Ровинского, в особенности Сеговия, Толедо и др. — Несмотря на все разнообразие цвета, света и тени, в работах Ровинского краска не участвует. Один только параван — удивительного, глубокого, темно-гранатового тона, весь сработан на китайском вермильоне. А все остальные работы — продукт чистого лака, основного темно-коричневого тона, обработанного кислотной палитрой художника, на которой свыше 20 разных кислот. Этими кислотами создается и тот прихотливый рисунок, которым заполнены все эти громадные поверхности. И даже там, где чудесный голубой тон чередуется с небесным сиянием, где какой-то теплый зеленоватый тон почти поглощается золотистым солнечным лучом — и там только претворение опять — таки кислотами холодного серебра и бронзы во все эти переливы цвета... Оправдывается ли достигнутым вся эта многолетняя, кропотливая, не всегда даже безопасная — не мало ведь вредных, «злых» кислот — работа?... Конечно, да...

Живопись Ровинского бледнее его лаков: это не значит, что она незначительна, или менее значительна, нежели лаки, но она органически как то не связана с основным ядром выставки. Лаки поглощают все внимание ваше, и восприятие нужного не остается для остального. Рисунком владеет Ровинский свободно, в композиции он своеобразен и интересен.

После Парижа, Ровинский едет в Гаагу. И там покажет он Испанию, по которой душа художника уже тоскует и ждет, когда жестокая, разрушительная и все уничтожающая война, наконец, окончится и он вновь сможет отдаться любимой работе в Толедском соборе.

Владимир Зеелер.